УДК 821.133.1-3 + 355.483(44) **А. А. Постникова**

РУССКАЯ КАМПАНИЯ 1812 г.: ПО СЛЕДАМ СТЕНДАЛЯ

Автор освещает участие Стендаля в русской кампании 1812 г. и затрагивает проблему воздействия событий войны на мировосприятие будущего писателя. Статья основана на анализе личной переписки Стендаля, его художественных произведений и воспоминаний участников похода. Большая часть анализируемых материалов на французском языке.

Ключевые слова: Стендаль; русская кампания 1812 г.; мировосприятие писателя; личная переписка; воспоминания.

Стендаль признан мастером психологического романа. Вся его жизнь и творчество были наполнены наблюдением за «движением человеческого сердца» [Стендаль, 1958, с. 107]. Осознавая, что наступит время, когда им начнут интересоваться, он оставил запись в своем дневнике, предрекая любопытных: «Если вы сдержанны, не читайте. Если вы не сдержанный, но честный человек, прочтите, но не повторяйте того, что вы узнаете» [Stendhal, 1937, p. 117]. Видимо, нам придется пренебречь словами писателя.

Оставаясь загадкой, Стендаль свою жизнь описал в художественных произведениях. Вполне искренне в трудах он заявлял о тех событиях, которые изменили его жизнь и взгляд на свое призвание. Тем самым, прислушавшись к голосу Стендаля, мы узнали, что именно 1812 г. стал переломным в его биографии: «Я, к сожалению, далеко не тот человек, каким был в 1811 г. Вернувшись из Москвы, я не нашел в себе больше тех страстей, которые нарушали однообразие моей жизни» [Стендаль, 2001, с. 131].

Эти слова наводят нас на мысль, что русская кампания отчасти повлияла на формирование известного всему миру писателя Стендаля. К сожалению, исследователи его творчества и жизни поверхностно обратились к участию Стендаля в войне 1812 г. или вообще не упомянули о нем. В свою очередь, дни в России долго тревожили память писателя и оставили свой след почти во всех его произведениях.

Это был человек, далекий от принятия активного участия в военных действиях. П. Мериме точно сформулировал отношение Стендаля к войне: «Храбрец от природы, он наблюдал войну с любопытством, но совершенно хладнокровно. Не будучи совсем нечувствительным к великим и героическим сценам, которые ему приходилось видеть, он все же в особенности любил наблюдать смешные и нелепые стороны войны» [Мериме, с. 87].

Стендаль, увлеченный музыкой и театром, последовал за великой армией Наполеона в Россию. Что же ожидал он получить от этой поездки? На тот момент Россию Стендаль представлял дикой, пустынной, как и большинство европейцев начала XIX в.: «В этих окрестностях в течение 50 лье могут отсутствовать признаки жизни (это доходит до абсурда)» [Stendhal, 1933—1934, p. 55]. Очевидно, что Стендаль не надеялся испытать в России творческое вдохнове-

© Постникова А. А., 2011

ние, как в Италии. В одном из писем своему другу он признался, что в этой авантюре ему хотелось бы получить титул барона. Так, 23 июля в качестве интенданта Бейль отправился в Россию. Он присоединился к армии 14 августа. Но не успел еще Стендаль ощутить войну, а она уже его разочаровала, навеяла скуку. «Я несчастлив, что попал сюда. Как меняется человек! Иной раз я готов расплакаться. В этом океане варварства моя душа не находит отклика не в чем!», — написал он из Смоленска другу Ф. Фору [Stendhal, 1933—1934, p. 55].

Разочарование заставило Стендаля оценить наиболее яркие моменты своего прошлого: «С тех пор, как я узнал Милан и Италию, все, что я вижу, отталкивает меня своею грубостью» [Ibid.]. Война не оправдала романтических чувств и амбиций Бейля. Судя по письмам и последующим произведениям, сражения не затрагивали писателя. Он не нашел в них ожидаемого героизма, скорее он подходил к их описанию с иронией. Даже Бородинское сражение не оставило в памяти Бейля каких-то ярких впечатлений.

В «Записках эготиста» он вспомнил лишь один момент, не несущий какого-то глубоко смысла: «В вечер после Бородинской битвы, заметив в нескольких шагах от себя останки 2 или 3 гвардейских генералов, я не мог удержаться, чтобы не заметить: “Несколькими наглецами стало меньше!” — замечание, чуть не погубившее меня и показавшееся бесчеловечным» [Стендаль, 1959б, с. 3].

Заметим, что это описание сражения Стендаль дал много лет спустя. Думал ли на тот момент он именно так? В его переписке за 1812 г. нам не встретилось упоминаний о Бородинском сражении. Возможно, Стендаль не был очевидцем этого события. Следует заметить, что в своих письмах в начале войны писатель выступает в качестве наблюдателя, и достаточно сложно выявить те события, в которых он принял непосредственное участие.

Вовлечься в борьбу за жизнь на войне Стендалю пришлось в Москве. С первого же дня (14 сентября) пребывания в городе он все события фиксировал в дневнике. Как мы узнали из его записей, полк, в котором находился А. Бейль, расположился в Апраксинском дворце, во дворе которого писатель мог видеть пожар Китай-города. В первый же день, преодолевая зубную боль, Бейль принял участие в тушении пожаров. Огонь распространился до Апраксинского дворца, поэтому Стендаль со своими товарищами отправился на поиски более безопасного места для бивака.

Переезд из Апраксинского дома во дворец Ростопчина с обширной библиотекой позволил Бейлю на мгновение опять закрыться в своем мире книг: «Мы остановились в этом доме, где, по-видимому, жил богатый человек, любящий искусство. Там были прекрасные книги. Например, Бюффон, Вольтер» [Stendhal, 1937, p. 110]. Судя по словам писателя, в Москве он увлекался не только литературой, но и находил время принять участие в грабежах: «Я устал; приходилось идти пешком, так как моя коляска была загружена добром, награбленным моими слугами» [Ibid., p. 114].

Обозревая горящую Москву, Стендаль исполнился ненавистью к организаторам пожара: «Мы видели огромные горящие пирамиды из мебели. Это дело совершил коварный Ростопчин» [Ibid., p. 115]. Можно сказать, что эти первые

два дня заставили Стендаля почувствовать опасность и ответственность за товарищей. Прежнее ироничное описание войны исчезло.

Опасность заставила Стендаля задуматься о смерти и сохранить память о своем пребывании в Москве. Возможно именно поэтому, он решил свой дневник когда-нибудь отправить Фору: «Сохрани эту болтовню. Необходимо, чтобы я извлек пользу из этих страданий» [Stendhal, 1937, p. 115].

После 15 сентября на две недели Стендаль замолк. Даже до безумия равнодушного к войне писателя постигло разочарование, и только 30 сентября на бумагу вырвалась нота отчаяния: «В течение 6 дней книги мне причиняют только отчаяние. Неприятности не прибавляют сил. Я надеюсь, что моя работоспособность вернется» [Ibid., p. 117]. Он постарался сдержать это отчаяние в письмах из Москвы. В них мы не увидим ни жалоб, ни страха, а лишь безмятежные наблюдения писателя.

2 октября Стендаль нашел возможность написать письмо другу. В нем перед нами предстает А. Бейль — писатель-одиночка, равнодушный ко всем происходящим вокруг него событиям. Накал опасности, связанный с пожарами, угас, и Стендаль в письме к другу пожелал не возвращаться к этим событиям. Может быть, он посчитал это уже лишним, бессмысленным.

По всей видимости, в этом письме Бейль заполнил пробел дневника. Так, из него мы узнали, что Стендаль дни с 16 сентября —2 октября провел в одиночестве, насладившись написанием пьесы «Летелье»: «Я заболел, и мне дали 8 дней одиночества. В этих обстоятельствах я должен возобновить написание “Летелье”. Это у меня вызывает сладкие воспоминания» [Stendhal, 1933—1934, p. 67].

Возможно, главный герой его произведения напомнил ему тщеславного юношу, который отправился в «дикую» Россию за баронским титулом, и жестоко разочаровался. Через несколько лет в предисловии к этой пьесе Стендаль вспомнил о своем пребывании в Москве: «Я возобновил тогда Летелье для того, чтобы занять эти пустые дни» [Stendhal, 1931, p. 14]. Конечно, спустя несколько лет, взглянув на московские дни с высоты писателя, он посчитал это бесполезным пребыванием.

Вопреки всей сложившейся в Москве ситуации Стендаль подбадривал себя мыслями об искусстве: «Кажется, мне придется провести здесь зиму; надеюсь, что у нас будут концерты» [Stendhal, 1933—1934, p. 69].

Конечно, в очередной раз писатель не избежал возможности охарактеризовать свое окружение: «Я тебе пишу в маленьком дворце, где два молодых дурака, прибывшие из Парижа, рассказывают о том, чем бы они хотели заняться в Москве» [Ibid., p. 70].

По всей видимости, только в дневнике писатель позволил себе высказать труднейшие проблемы, не побоялся признать усталость. В письме к Фору он избежал высказываний о себе, лишь судорожно и увлеченно говорил об искусстве, о своей будущей пьесе. Не удивительно, ведь Стендаль был чрезвычайно скрытным человеком, в жизни которого самым ценным были творческие идеи, даже автобиография была замаскирована им в качестве художественного произведения.

Возникает даже сомнение в степени искренности Бейля со своим другом Фором, так как в «Анри Брюларе» Стендаль откровенно признался: «Феликсу Фору, давнему моему другу по Греноблю, были совершенно чужды мои безумные рассказы о любви и искусствах. Это отсутствие безумия у него всегда притупляло нашу дружбу, которая, по сути, была лишь попутчеством в жизни» [Стендаль, 1959а, с. 103].

Стендаль не проявлял искренность в общении с людьми, в чем он признался в письме к сестре из Москвы [Stendhal, 1933—1934, p. 97]. Таким образом, полностью мы можем доверять только мыслям писателя, изложенным им в дневнике.

После того, как Стендаль поделился своими философскими размышлениями с Фором, 4 октября без каких-либо комментариев он отправил ему дневник за 1812 г. На этом он прекратил с ним переписку в Москве. Таким образом, его другу оставалось думать, что Бейль проведет зиму в Москве за написанием «Летелье». 15 октября Стендалю уже было известно, что вскоре армия оставит город, но своим близким он об этом не сообщил.

16 октября писатель оправил письмо графине Дарю, где в шуточной форме описал свои приключения в Москве. Он довольно легкомысленно дал понять графине цель своего путешествия: «Я поехал в Россию в поисках развлечений, я их не нашел и все время думаю о Франции» [Lettres interceptées..., p. 161]. Стендаль в этом письме постарался передать не только состояние скуки, разочарования, но и одиночества. Графине писатель сказал только об одном человеке, с которым он ведет разговор. Очевидно, это главный распорядитель императорской квартиры М. Жуанвиль, с которым Стендаль находился с самого начала кампании. С ним Бейль познакомился еще в Италии в 1800 г., с тех пор он его называл просто Луи.

Если письмо к Фору насыщено глубокими философскими размышлениями, то обращение Стендаля к Дарю отличается легкомысленностью и пафасностью. Возможно, причиной этого было отношение писателя к графине, о которой в «Анри Брюларе» он сказал: «Вообще же я никогда не встречал существа, которое было бы до такой степени лишено небесного огня» [Стендаль, 1959а, с. 246]. Итак, обладая артистическим талантом, Стендаль играл даже в письмах, защищая свой внутренний мир от лишних посягательств. С первого взгляда видно, что при написании дневника Стендаль соотносил себя с общей армейской массой, в письмах же — противопоставлял.

В Москве на Стендаля обрушились проблемы обеспечения армии продовольствием. В письме интенданту г. Ковно Ш. Л. де Ну Стендаль скромно указал, что долго сопротивлялся этому назначению и достаточно остроумно раскритиковал свою кандидатуру: «Я облечен чем-то вроде власти над интендантами Смоленска, Могилева и Витебска. Не знаю, что из этого выйдет. По-моему, это неправильная мера» [Lettres interceptées..., p. 126]. Несмотря на сомнения, из писем видно, что он ответственно подошел к выполнению своих обязанностей. Превозмогая ужасную зубную боль, Бейль принялся за работу. Через письма он наладил связь с интендантами Смоленска, Могилева и Витебска, тем самым смог отойти от своих принципов изоляционизма ради выполнения долга.

Бейль для выполнения должностных обязанностей покинул город 16 октября. Через несколько лет, вспоминая в «Жизни Наполеона» пребывание великой армии в Москве, он сказал: «Из тщеславия Наполеон решил взять Москву. Этот неосторожный шаг не имел бы вредных последствий, если бы император оставался в Кремле не более трех недель» [Стендаль, 1955, с. 148].

Стендаль умолчал о направлении движения великой армии после Москвы, только из Смоленска в письме М. Дарю он обмолвился: «Я не могу контролировать генеральную квартиру во время этого движения на Петербург» [Stendhal, 1933—1934, p. 110]. Тем самым Стендаль был уверен, что Наполеон пойдет на Петербург. Как и все солдаты, писатель разочаровался в этом в Смоленске.

Нам приходится только догадываться, какие лишения и трудности пришлось испытать Стендалю по дороге от Москвы до Смоленска, о них он умолчал. Единственно, что нам стало известно из его последующих писем: он этот путь проделал в конвое с больными и ранеными. Возле Смоленска Стендаль подвергся нападению казаков. Пожалуй, именно в этой схватке писателем был утерян дневник за 1806—1807 гг. и пьеса «Летелье».

Стендаль прибыл в Смоленск 7 ноября и в этот же день отправил Фору письмо, в котором успокоил друга, что никакие невзгоды не убили в нем романтика: «Благодаря отсутствию моих коллег ничто не нейтрализовало романтическую сторону моей души, без которой я противен себе» [Lettres interceptées..., p. 201]. Писатель попытался проанализировать причины, которые привели армию к краху: «Все наши идеи были разбиты о физические лишения» [Ibid.]. Далее он охарактеризовал состояние армии: «Люди падают больные. Им хочется верить, что они еще могут действовать, но на самом деле это уже не так» [Ibid., p. 202].

Пройдет время, и чувство сострадания к своим боевым товарищам покинет Стендаля. Осмыслив в дальнейшем поведение солдат, он в очередной раз убедится в тщеславности французов. В большинстве последующих произведений Стендаль будет осуждать эту черту характера своих соотечественников. В труде «Жизнь Россини» он назовет тщеславие основной причиной поражения французов в России. Как мы помним, эта черта была характерна и для самого А. Бейля. Возможно, именно война 1812 г. заставила Стендаля подавить в себе это свойство.

После всех пройденных препятствий и лишений Бейль не расстался с надеждой получить титул барона, о чем он написал отцу из Смоленска: «Завтра я, вероятно, заеду в Оршу по дороге в Минск. Я измучен и умираю от усталости, но здоров. В дороге я болел. Словом, если его величество сделает меня бароном, я не напрасно получу этот титул. Гаэтан, тоже усталый, здоров. Тысячу приветов всей семье» [Ibid., p. 201]. Из этого письма мы узнаем, что Бейль во время отступления из России был вместе с младшим помощником военного комиссара, своим кузеном Г. Ганьеном. Более в своих письмах он не будет упоминать о своем долге интенданта и о титуле барона.

После письма отцу Стендаль на десять дней прервал переписку. 20 ноября он решил в очередной раз осмыслить все происшедшее с ним в письме к сестре. Только в общении с ней он мог позволить себе искренность.

В его записной книжке за 1805 г. в отношении сестры отмечена следующая запись: «Думаю, что не слишком много на свете братьев вроде меня, которые имеют счастье пользоваться взаимной дружбой девушки, обладающей блестящими способностями и чудеснейшей душой» [Стендаль, 2001, с. 101].

Письмо к Полине представлено в виде осмысления Стендалем произошедшего с ним за последнее время. В этих воспоминаниях центральное место занимает Москва. Он поделился с сестрой своими впечатлениями от города: «...этот прекраснейший город, один из прекраснейших храмов наслаждения, превратился в черные развалины» [Stendhal, 1933—1934, p. 113].

Описав пожар, внешний вид города, Бейль не коснулся отступления, пребывания армии в Смоленске. Возможно, описывая более памятные впечатления, он тем самым хотел уйти от реальности, в которой находился в тот момент. Попрощался Стендаль с Полиной обнадеживающей фразой: «Я думаю, сударыня, что счастливый Белиль с вами» [Ibid.].

Необычайная твердость, сопротивление усталости было характерно для Стендаля в период отступления. Он сохранил эти качества и во время переправы через Березину, которая сломала даже самых стойких.

По рассказу, переданному П. Мериме, «Г. Бергонье, аудитор Государственного совета, говорил... что он обязан жизнью Бейлю, который уговорил его перейти через Березину вечером накануне дня отступления. Бергонье хвалил хладнокровие и здравый смысл Бейля, не покидавшие его даже и тогда, когда самые храбрые теряли голову» [Мериме, с. 22]. Согласно истории, рассказанной П. Мериме, Дарю, который отличался особым хладнокровием, воскликнул: «Бейль, вы — человек крепкого сердца».

После переправы через Березину ужасы русской кампании не оставили Бейля. Вернувшись в Париж, он делится впечатлениями в дневнике: «Меня до сих пор не покидает чувство холода. Приятно, что пребывание в Москве и Смоленске породило в моей голове кое-какие идеи» [Stendhal, 1937, p. 118]. Видимо, первые воспоминания Стендаля о России были достаточно судорожными и отрывочными.

Со временем эти впечатления обретут более последовательный и осмысленный вид. В этом плане интересен отзыв Стендаля на книгу Ф. П. Сегюра о походе в Россию. Писатель акцентировал внимание на том, как французы поджигали целые дома, чтоб согреться, как в безумии они бросались в костер, а их товарищи ели потом обуглившиеся тела. Главным виновником несчастий Франции в 1812 г. он выставил Наполеона: «Суровый 1812 г. разоблачил Наполеона как военного и показал его легкомысленность. Голова императора закружилась от гордости» [Berthier , p. 129].

Более того, война 1812 г. стала для Стендаля не просто событием в истории Франции, а переломным моментом в его жизни. Она заставила писателя оценить значение искусства и литературы в его судьбе. Так, ради творчества он преодолел свое честолюбие и забыл о военной карьере. Еще в 1805 г. он записал мысль, ставшую пророческой: «Когда мое глупое тщеславие окончательно покинет меня и я смогу быть откровенным, это только возвысит меня в общем мнении» [Стендаль, 2001, с. 102]. В итоге после русской кампании он полностью

углубился в творчество и возвысился над страстями, присущими людям посредственным.

Во многом война 1812 г. стала для него и литературным опытом. На это он обратил внимание еще в Смоленске в письме к Фору: «Одно это путешествие вознаграждает меня за то, что я увидел и почувствовал такие вещи, какие литератор, ведущий сидячий образ жизни, не угадает и за тысячу лет» [Stendhal, 1933—1934, p. 98].

Русская кампания обнажила для Стендаля наихудшие стороны войны, что нашло отражение в его творчестве. Стендаль был признан психологом войны лишь благодаря одному эпизоду — описанию сражения под Ватерлоо в «Пармской обители». Герой его романа Фабрицио, окрыленный почтением к Наполеону, преодолевая все невзгоды, мчится защищать императора на поле Ватерлоо. Но его романтической душе суждено было встретить разочарование, что произошло и со Стендалем в 1812 г.: «Значит, война вовсе не тот благородный и единодушный порыв сердец, влюбленных в славу, как он это воображал, начитавшись воззваний Наполеона!» [Стендаль, 1981, с. 58]. Описание сражения лишено героического пафоса, характерного для романтизма XIX в. Мысль писателя склоняется к тому, что война — это не проявление героизма, подвига, а «зрелище трупов и раненных». Убийство человека приравнивается к обычной охоте, за которой не стоит никакой твердой идеи.

Таким образом, участие в войне 1812 г., будучи случайным эпизодом в жизни Бейля, привело его к переосмыслению своей жизни и творчества. Благодаря полученному военному опыту Стендаль открыл миру войну как писатель-психолог и как историк. Достаточно ясно определив свое отношение к событиям русской кампании, он попытался скрыть свое участие в ней, оставшись всего лишь наблюдателем, вечной загадкой под именем «Стендаль».

Мериме П. Разоблаченный Стендаль. Пг., 1924.

Стендаль. Анри Брюлар // Собр. соч. : в 15 т. Т. 13. М., 1959а.

Стендаль. Вальтер Скотт и «Принцесса Клевская» // Собр. соч. : в 15 т. Т. 9. Л., 1958.

Стендаль. Жизнь Наполеона // Собр. соч. : в 12 т. Т. 11. М., 1955.

Стендаль. Записная книжка. М., 2001.

Стендаль. Записки эготиста // Собр. соч. : в 15 т. Т. 13. М., 1959б.

Стендаль. Пармская обитель. М., 1981.

Berthier P. Stendhal journaliste anglais. P., 2001.

Lettres interceptйes par les Russes Durant la campagne de 1812 / publ. par S. E. M. Goriainow. P., 1913.

Stendhal. Correspondance (1812—1816). Vol. 4. P., 1933—1934.

Stendhal. Journal (1811—1823). Vol. 5. P., 1937.

Stendhal. Theatre. P., 1931.

Статья поступила в редакцию 22.02.2011 г.